

Начало галлюцинаций означало одно — болезнь Фу Гэ прогрессировала. Ци Хань хорошо помнил, как месяц назад врач сказал ему это.

Но в тот день, когда он подобрал Фу Гэ, всё было до банальности обыденно.

Он только что закрыл крупный проект и, чтобы немного развеяться, отправился в бар с друзьями. Уже собирался уходить, когда наткнулся на стычку — несколько отморозков тянули вверх какого-то художника-бету, сминая его мольберт и угрожая переломать пальцы, если он их не «развлечёт».

Ци Хань всегда болезненно реагировал на слово «художник», так что машинально обернулся. Одного взгляда хватило, чтобы его будто ударило током.

Фу Гэ.

Когда-то он был звездой кампуса — гордым, элегантным мальчишкой с кистью в руках. Ему хватало одного взгляда через плечо, чтобы мир замирал. Красивый, дерзкий, сияющий.

А сейчас?

Сейчас его, как тряпку, прижимали к стойке бара, лапали грязными руками. Он не сопротивлялся, не вырывался, не закрывался — просто тупо, по-детски, упрямо бормотал:

— Не трогайте мой мольберт...

Ци Хань даже не успел осознать, что делает, как уже вломился в драку. Через пару минут всё было кончено, и Фу Гэ оказался в безопасности.

Но вот что действительно пронзило до костей — Фу Гэ его не помнил.

Ни его самого, ни то, что было между ними, ни даже того, кем они были друг для друга.

А потом — без конца благодарил его. В каждой фразе, в каждом жесте было что-то неловкое, неуклюжее, механическое, будто даже простая человеческая речь давалась ему с трудом.

Ци Хань не спешил уходить. Что-то его держало.

— Я могу помочь тебе — сказал он.

Фу Гэ замешкался, замотал головой: не стоит, не надо, не хочу быть обузой.

Но, когда Ци Хань настоял, он всё-таки опустил руку на живот, сжал пальцы в кулак и пробормотал едва слышно:

— Вы не могли бы... угостить меня чем-нибудь?

Он не заработал сегодня на еду. Картина, которую он рисовал для клиента, была разорвана в клочья.

— Хорошо, — сказал Ци Хань.

Фу Гэ оживился, схватил его за руку и потащил в ближайший KFC. А потом заказал самую маленькую порцию картошки фри.

Память подвела его, разум помутнел, но чувство неловкости осталось. Он знал: просить еду у другого человека — унижительно. Поэтому выбрал самое дешёвое, не остался в зале, а свернул в подворотню, чтобы поесть в одиночестве.

Ци Хань наблюдал издалека.

Фу Гэ сидел на корточках, держа крошечный пакетик на коленях, ел медленно, по одной картофелине, разделяя её на три кусочка, будто растягивал удовольствие.

К нему потянулись две уличные кошки, такие же голодные. Они кружили вокруг, тёрлись о ноги, осторожно тянули лапы к еде.

Фу Гэ поколебался, а потом перевернул пакет и высыпал остатки на асфальт.

Именно тогда Ци Хань подошёл к нему.

— Хочешь пойти со мной?

Фу Гэ заморгал, посмотрел на него с недоумением.

— Пойти... и что делать?

— Мне нужен тихий ингибитор.

Фу Гэ нахмурился:

— Но я бета. У меня нет феромонов.

Ци Хань усмехнулся, нарочно смакуя каждое слово:

— Достаточно просто дать себя трахать.

Фу Гэ вспыхнул, опустил голову и долго молчал. А потом, едва слышно, запинаясь, спросил:

— Если... трахаться... можно будет каждый день есть картошку фри?..

Так он оказался в доме Ци Ханя.

Не сказать, чтобы это имело какое-то значение. Ци Хань даже забыл купить ему картошку, но хотя бы догадался отвезти в больницу.

Фу Гэ говорил, что потерял память после несчастного случая на воде. И в целом расследование Ци Ханя подтвердило это.

Но диагноз, поставленный врачами, звучал иначе.

Шизофрения, вызванная тяжёлой психической травмой

Сначала это выразалось в медлительности: нарушенные когнитивные функции, проблемы с восприятием, с логикой, с самой мыслью как таковой. Он будто застрял в замедленной плёнке, жил отдельно от всего, что происходило вокруг.

А потом начала исчезать чувствительность. Настолько, что в разгар сентября он спокойно выходил на улицу в одних шортах, даже не замечая холода.

Сначала Ци Хань не придавал этому особого значения.

Он думал, что это просто нервное истощение — следствие жизни, пошедшей под откос. Тем более, после месяца покоя Фу Гэ, казалось, начинал приходить в себя.

А потом наступил прошлый вечер.

Впервые он увидел у него галлюцинации.

Фу Гэ спустился вниз — в тонкой пижаме, насквозь промокшей от холодного пота. Глаза пустые, движения странные — он что-то показывал в воздухе руками, с кем-то разговаривал, улыбался, даже краснел. А потом вдруг вздрогнул и, закричав, кинулся прочь.

А Ци Хань всё это время стоял у лестницы, звал его.

Но Фу Гэ его не видел, а в конце и вовсе принял за очередную иллюзию.

С той ночи он стал ещё более отстранённым и перестал выходить из дома. Чаще сидел в кресле у окна, кутаясь в плед, вне зависимости от погоды. Часы напролёт смотрел в стекло, ничего не видя. Граница между реальностью и галлюцинациями полностью стёрлась.

Ци Хань сам видел, как Фу Гэ вдруг поднимался с кресла, подходил к двери, приветливо улыбался пустоте:

— Добро пожаловать домой, господин.

Он даже повторял знакомые движения — помогал невидимому человеку снять пальто, наливал воду, протягивал стакан...

Стакан, конечно, рухнул на пол, разлетевшись на сотни острых осколков.

Фу Гэ вздрогнул, испуганно глядя на них, будто осознав, что что-то пошло не так. На его лице мелькнуло столько эмоций, одна за другой. Смущение. Растерянность. Страх. Бездна. Безнадёжность.

А потом всё это сменилось пустотой.

И когда Ци Хань, наконец, встал перед ним, он уже не пытался ни реагировать, ни говорить а только молча смотрел.

И даже когда Ци Хань заговорил, он не отвечал. Лишь спустя долгое, слишком долгое молчание, тихо произнёс, словно сам себе:

— Сегодня господин появляется слишком часто... Но, если подумать, разве это плохо? Раньше и раз в неделю вас не было видно. В таком огромном доме только я один... А теперь я вижу вас каждый день.

Он улыбнулся.

— Я должен радоваться, правда?

Ци Хань не осмеливался заговорить, боялся, что снова его спугнёт.

Фу Гэ, устав от собственных слов, постепенно придвигался ближе, хватал его руку, укладывал себе на голову — создавал для себя иллюзию объятия.

— Я всегда хотел, чтобы вы обнимали меня вот так, — шептал он. — Но вы не обнимали. А я не смел просить.

Он на мгновение замолчал, потом продолжил, с той же отрешённой, чуть задумчивой интонацией:

— Когда вы меня забрали, вы сказали, что это ради того... ну, ради того самого. Но в итоге вы так ни разу меня и не тронули. Наверное, потому что я бета. Без феромонов. И... и, наверное, ещё потому, что я слишком плох в этом.

Он вдруг улыбнулся, как ребёнок, задающий глупый вопрос:

— А какие они, феромоны омеги?

Задержал дыхание, бросил взгляд снизу вверх. На лице мелькнуло что-то похожее на смущение.

— Я... Я украдкой пользовался вашим гелем для душа. Теперь я тоже пахну, — он чуть склонил голову набок, будто спрашивал разрешения. — Понюхаете?

Ци Хань склонился, зарылся носом в его шею, вдохнул медленно, глубоко.

— Хороший запах.

Фу Гэ улыбнулся, искренне, с каким-то детским облегчением. Но в следующую секунду улыбка замерла, застыла, будто на лице вдруг что-то сломалось.

— Только вот... вы же не настоящий, — он моргнул. — Кажется... я тоже.

Голос стал тише, совсем не похож на тот радостный, каким он говорил секунду назад.

— Только он настоящий, — Фу Гэ сжал пальцы на его рукаве. — Тот, из сна. Он придёт за мной сегодня ночью...

Глаза пустые, иссушенные до такой степени, что, казалось, уже даже слёзы в них не могут появиться.

— Господин, — Фу Гэ жалобно прижался к нему, голос дрожал. — Вернитесь домой, пожалуйста. Вернитесь и спасите меня...

Ци Хань сжал его пальцы в своих.

— Хорошо. Хорошо, я вернусь...

Боль полоснула по лёгким, словно их затянули в тиски. Он взял его ладонь, прижал к своему лицу, провёл ею по щеке.

— Не бойся. Я приду. Сегодня.

Он ушёл.

Но перед этим зашёл в кафе и купил самую большую порцию картошки фри. Добавил к ней колу.

А в девять вечера открыл дверь. Фу Гэ сидел в кресле, неподвижный, взгляд всё такой же пустой.

Но когда Ци Хань протянул ему стакан, а затем взял его руку и вложил в неё, Фу Гэ не выронил. Пальцы обхватили стакан, сжались, ощутили тепло.

И в тот момент он понял: это не сон.

— Господин, вы вернулись? — спросил он, и в его голосе вдруг мелькнуло настоящее, живое счастье.

Ци Хань обнял его, крепко, без лишних слов.

— Спасибо, что дождался меня с работы.

Фу Гэ замер, будто не веря, что всё это происходит с ним. Сжался в его объятиях, боясь даже пошевелиться.

— Это... Это само собой разумеется.

— Ты ужинал?

— М-м... да.

Слишком неубедительно.

Ци Хань не стал этого показывать, не разоблачил ложь, а просто усадил его к себе на колени, устроился в кресле и сказал буднично:

— Тогда давай перекусим. Я купил картошку фри. А колу ты можешь пить?

— Могу! — Фу Гэ оживился, в его глазах мелькнул свет, будто разбросанные по воде солнечные блики. — Спасибо, господин.

Он ел так же, как месяц назад: осторожно, маленькими кусочками, будто растягивал удовольствие. Даже в самом глубоком падении он сохранял в себе что-то врождённо изящное. Даже в голоде не позволял себе торопиться.

Ци Хань наблюдал за ним.

— Завтра выйдем куда-нибудь, — сказал он.

Фу Гэ замер.

Ему показалось, что он ослышался.

— Мы... выйдем?

— Да. Вместе.

— Вместе... погуляем?

Он улыбнулся. По-настоящему, живо и широко — так, как не улыбался уже давно. Будто что-то глубоко засохшее в нём наконец наполнилось жизнью, как клетка, впитавшая влагу.

Ци Хань поцеловал его в лоб.

— Ну, не совсем погулять. Это небольшой приём. Там будут мои друзья.

Щелчок.

Стакан с колой выпал из его рук и с глухим стуком ударился об пол.

Фу Гэ сидел, широко распахнув глаза, глядя на него так, словно перед ним вдруг оказался кто-то другой.

Губы дрожали, голос сорвался:

— При... приём?..

— Да. А что такое?

— Я... я могу не идти? Я слишком уродливый, опозорю вас...

— Не уродливый, — Ци Хань провёл пальцами по его волосам, легко, почти небрежно, словно касался лепестков цветка. — Очень красивый.

Фу Гэ ссутулился, словно его ударили.

Жизнь, только что пробудившаяся в нём, снова схлопнулась. Как клетка, в которую капнули солёную воду.

Он смотрел в одну точку, не моргая. Шептал себе под нос:

— Красивый...

А потом вдруг усмехнулся. Легко, коротко, будто всё понял. Будто со всем смирился.

— Хорошо.

Пауза.

— Я пойду с вами.

Ци Хань не понимал, почему его настроение тогда так резко изменилось, до тех пор, пока не настал день мероприятия.

Когда вечер был в самом разгаре, а алкоголь уже начинал размывать границы, он получил звонок, встал из-за стола и, бросив короткое “присмотрите за ним”, вышел в коридор.

И не успел сделать и пары шагов, как из-за двери раздался шум.

Громкий крик друга:

— Ци Хань! Вернись быстро, твою мать!

Он сорвался с места, распахнул дверь — и увидел.

Фу Гэ.

Совершенно голый, прижавшийся к его другу, словно к спасательной шлюпке, безропотный, покорный, как проститутка, вынужденная работать.

— Блять, Ци, это не я! Он сам! — друг, в ужасе, едва ли не отбивался от него, пытаясь стряхнуть. — Ты только вышел, а он сразу полез!

Он даже руками не прикасался к Фу Гэ, только судорожно отстранялся, глядя на него, как на что-то абсолютно чуждое.

— Брат, какого хрена, а?! — он панически обернулся к Ци Ханю. — Ты же знаешь, я даже в сауны хрен знает какие не хожу, а тут...

Ци Хань первым делом сдёрнул с себя пальто, набросил на Фу Гэ, прикрыл его, затем резко выдохнул, сдерживая ярость.

— Все вон.

Гости ушли, дверь захлопнулась. Только тогда он повернулся к нему.

— Что ты, блядь, творишь?

Он схватил Фу Гэ за подбородок, чуть сжал пальцы. Не столько грубо, сколько отчаянно.

— Что ты делал эти пять лет? Это так ты жил, Фу Гэ? Чем ты, мать твою, занимался эти пять лет? До нашей встречи ты жил этим, да? Фу Гэ, ты реально настолько, блядь, себя не ценишь?

Голос срывался. Он сам не знал, чего в нём больше — злости или боли.

— Тебе настолько нужно себя унижать?

Фу Гэ моргнул. Глаза у него были пустыми, как у человека, давно разучившегося чувствовать.

— Ты же сам говорил... сопровождать тебя на встречи, заботиться... Я думал, все как раньше: развлечь их, чтоб были довольны, а потом они подпишут твои бумаги...

Он опустил голову.

— Прости. Я всё испортил...

Ци Ханя будто ударили током. Он стоял, не двигаясь, а в голове всё раскладывалось в единую, жуткую картину.

Теперь он знал, почему слово «приём» вызвало у него ужас. Почему от комплимента «красивый» он сжался, как от пощёчины.

Его научили что тело — это товар. Что если он «развлекает» хорошо, его хозяин доволен. Что если он неправильно делает свою работу — значит, он провинился.

Ци Хань закрыл глаза.

— Тихо, тихо, всё, не надо, Ты больше не должен...

Он опустился перед ним на колени, поднял с пола одежду и медленно, аккуратно стал одевать его. Рубашка, пиджак. Движения мягкие, осторожные, как если бы он собирал разбитую фарфоровую куклу.

— Никогда. Ни тогда, ни сейчас. Никто не использовал тебя как инструмент.

Фу Гэ не отвечал.

Его губы чуть дрогнули, он выдохнул странно облегчённо.

— Не нужно... Тогда я могу... вернуться домой?

Он тут же развернулся и поплёлся к выходу. Ноги тащились по полу, будто всё ещё закованы в цепи.

Ци Хань смотрел ему вслед и вдруг понял — по-настоящему, с обжигающей ясностью. Того дерзкого, живого, будто горящего изнутри художника больше нет. Он умер где-то между прошлым и настоящим. Остался лишь человек-обрубок. Гладкая, стертая до боли поверхность. Что угодно, но не живой.

— Подожди.

Ци Хань окликнул его и взял со стола штопор, больше похожий на ключ.

Фу Гэ замер, сжимая край одежды.

— Мне нельзя уйти?

Ци Хань не решился взглянуть ему в глаза. Подойдя ближе, он опустился на одно колено, осторожно обхватил его лодыжку и вставил штопор-«ключ» в пустоту. Лёгкое движение — и невидимые цепи исчезли.

Он поднял голову, встретившись с его взглядом.

— Маленький Гэ, всё позади. Поднимай ногу и иди.

Тёплая капля слезы скатилась по лицу Фу Гэ. Глаза прояснились, словно он наконец узнал его.

— Это... господин?

— Да.

Изломанный, сломленный человек, похожий на птицу со сломанными крыльями, бросился в его объятия.

— Прошу вас, заберите меня домой... Не оставляйте меня здесь одного.

В тот день Фу Гэ получил самое долгое объятие в своей жизни. Целых полчаса.

Всю дорогу обратно Ци Хань держал его у себя на коленях, прижимал к груди, закутывал в свою одежду, пропитанную его запахом, а теплой ладонью накрывал глаза, отсекая всё лишнее.

— Теперь это по-настоящему, да, господин?

— Да.

Ци Хань потер ладони друг о друга, согрел их и легонько коснулся его лба.

— Чувствуешь? У меня горячие руки.

Фу Гэ тихонько фыркнул — довольный, расслабленный, словно младенец в колыбели. Сон подбирался к нему мягкими, осторожными шагами.

Но он упрямо сопротивлялся, цеплялся за каждую секунду. С каждой минутой, проведенной рядом с ним, он обретал себя.

— Господин... А сколько времени мы были вместе?

— После выпуска из школы... восемь месяцев и четырнадцать дней.

— И до чего дошло?

— Мы обсуждали свадьбу.

— Как хорошо... А... расстался с вами я?

Ци Хань замер.

— Да.

Фу Гэ боялся даже подумать, что именно он сделал не так. Ему не хотелось разрушать этот хрупкий момент тепла, но в глубине души он знал — это было что-то страшное, что-то по-настоящему непростительное.

— После расставания у меня был ещё один парень, — тихо заговорил он. — Он обращался со мной плохо.

Фу Гэ пытался вытянуть из своей памяти хоть что-то, но всё казалось смазанным.

— Но я не помню, как он выглядел. Только смутные детали... Высокий, альфа, на правом запястье три витка тёмно-синей ленты... На ней висел маленький серебряный молитвенный барабан.

Он поднял глаза, кончиками пальцев очерчивая линию носа Ци Ханя.

— Я всё время вижу его во снах. Эти сны... ужасные. Думаю, я болен, и иногда, когда мне страшно, я путаю вас с ним. Это так неуважительно к вам. Простите меня. Простите, ладно? Пожалуйста, не сердитесь.

Ци Хань долго смотрел ему в глаза, прежде чем ответить.

— Нет, — наконец ответил он. — Всё в порядке.

Голос прозвучал слишком ровно. Слишком спокойно.

— Что он... что он с тобой сделал?

Фу Гэ замер. Плечи его вздрогнули.

— Я... помню плохо... Он сказал, что у него внезапный приступ... и ему нужен был секс. Дни и ночи напролет... без остановки.

Фу Гэ сглотнул, не в силах закончить.

— Он привязывал меня... в темноте... Подвешивал. Цепи резали руки и ноги... Я не мог говорить... не мог издать ни звука... иначе... меня заперли в тесной-тесной коробке... Я сворачивался внутри...

— Хватит.

Ци Хань сжал его в объятиях, крепко прижимая голову Фу Гэ к своей груди.

— Забудь. Всё это больше не важно. Просто забудь, и тебе станет легче.

Фу Гэ тихо кивнул.

— Хорошо, что я снова встретил вас.

Ци Хань слегка напрягся.

— Ты так думаешь?

Фу Гэ посмотрел на него с мягкой улыбкой — чистой, благодарной, полной нежности.

— Конечно. Я почти ничего не помню, но я знаю одно: я сожалею, что ушёл тогда. Если бы не ушёл, не пришлось бы встретить его.

Он приподнялся, легко коснулся губами подбородка Ци Ханя, его слова были молитвой.

— Господин, я благодарен за то, что встретил вас... и ещё больше за то, что вы вернулись.

Ци Хань не ответил. В его взгляде застыла пустота.

И всё же, спустя мгновение, он опустил голову и мягко коснулся губами его лба.

— Забудь. Всё забудь.

Фу Гэ не ответил. Он уже спал.

Ци Хань отнёс его в свою комнату, укрыл одеялом, задержался на секунду, наблюдая за его спокойным лицом, а затем вышел в ванную.

Он включил воду, опустил руки под холодный поток и начал тереть их, снова и снова. Неизвестно, что именно он пытался смыть, но движения становились всё сильнее, дыхание — всё прерывистее.

В конце концов, с глухим стуком кулак ударил в зеркало. Стекло осыпалось в раковину, капли крови затекли в тонкие трещины, превращая их в алые прожилки.

Ци Хань уставился на исковерканное отражение среди кровавых осколков. Вспомнил слова старого приятеля с сегодняшнего вечера.

«Тот, с кем был Фу Гэ раньше, наверняка оказался настоящей мразью. Представь только — использовать любимого человека для сделок... таким рано или поздно воздаётся по заслугам.»

Ци Хань коротко рассмеялся и осел на пол, его рукав задрался, открывая запястье на котором было три витка тёмно-синей ленты. Маленький серебряный молельный барабан, слегка покачивающийся в воздухе.

Восемь месяцев и четырнадцать дней — восемь месяцев длилась их любовь, четырнадцать дней длился его плен.

И если первое было освещено солнцем, то второе утонуло в кромешной, липкой тьме, оставившей следы не только на теле, но и в тех уголках души, которые невозможно исцелить.

И никогда, ни за что, ни перед кем Ци Хань не произнесёт вслух того, что прожигало его изнутри. Он и был той самой мразью.

<http://bllate.org/book/14453/1278302>